

Спиридонов А.В.

*Ассистент кафедры современного русского языка и методики преподавания
Казанского (Приволжского)
федерального университета
г. Казань, Россия*

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ АКСЁНОВА

Современная эпоха преобразований в различных сферах жизни характеризуется значительными изменениями в языке, прежде всего на его лексическом и словообразовательном уровнях.

Проблема возникновения и употребления новых слов, в том числе и окказиональных, интересовала лингвистов всегда. В настоящее время в дериватологии активно изучаются семантические типы, модели и способы образования окказионализмов (Н.Г. Бабенко, Н.Д. Голев, Т.В. Попова). Однако их функциональные особенности до сих пор остаются недостаточно разработанной областью лингвистической стилистики.

В этой связи предметом нашего исследования стали основные функции индивидуально-авторских новообразований В. Аксёнова, извлечённых из его романов «Редкие земли» и «Новый сладостный стиль».

Рассмотрим основные функции окказиональной лексики. На наш взгляд, они соотносятся с функциями лексических единиц и языка в целом, среди которых наиболее частотными являются экспрессивная, игровая, стилистическая и компрессивная. Если выделение последних у большинства ученых не вызывает сомнений, то реализация номинативной функции в окказиональных словах, несмотря на ее базовый характер, многими исследователями подвергается сомнению. Данной точки зрения придерживаются, например, С.В. Ильясова, Р.Ю. Намитокова, А.Г. Лыков. Так, Лыков А.Г. говорит о номинативной факультативности (необязательности) как признаке, указывающем на характер номинации окказионального слова в отличие от номинации канонического слова, так как за таким словом в

языковой классификации неязыкового мира действительности с обязательностью не закреплён ни один из её «кусочков» [4, с. 25].

Другие исследователи (Н.А. Николина, И.С. Улуханов) полагают, что окказионализмы в полной мере способны выполнять номинативную функцию. Отсутствие однословного обозначения какого-либо явления И.С. Улуханов предлагает рассматривать как лауну при наличии коммуникативной необходимости в таком обозначении [6, с. 16]. В частности, анализируя словообразовательную лаунарность, он полагает, что отсутствующие производные слова в русском языке – своего рода «пустые клетки» – могут быть заполнены новыми лексическими единицами, образованными по узуальным или окказиональным словообразовательным моделям [6, с. 203-204]. Н.А. Николина, говоря о такой разновидности окказионализмов, как дефисные комплексы, отмечает, что подобные конструкции «выступают в собственно номинативной функции. Они служат терминологическим обозначением жанров, новых явлений в искусстве, художественных приемов, выделяемых понятий и т.п.» [5, с. 468].

Какие же виды номинаций представлены в окказиональной лексике В. Аксёнова? Авторские новообразования в текстах писателя могут выступать в собственно номинативной функции, т.е. с помощью данного типа языковых знаков может передаваться информация о мире. Так, в романе «Новый сладостный стиль» у писателя возникает необходимость назвать одного из представителей многочисленного семейства Корбахов: *Затем настала очередь самого молодого **корбахёнка*** (НСС, 157). Здесь с помощью суффикса *-ёнок-* со значением незрелости создается нарицательное существительное для наименования младшего представителя семейства Корбахов, ср. *цыганёнок, пацанёнок, октябрёнок, поварёнок, негритёнок* и др.

Приведём следующий пример: *Овал ее лица частично скрыт драгоценным мехом. Ну вот, скажут из вашего числа **антиаксёновисты**, еще одна красивая баба!* (НСС, 301). «*Антиаксёновисты*» в данном контексте – это критики творчества В. Аксёнова. Как известно, при помощи суффикса *-ист-* от имён

собственных образуются существительные со значением ‘лицо по объекту изучения’ (пушкинист, иранист, болгарист) или ‘лицо по отношению к общественно-политическому, научному или религиозному течению’ (дарвинист, марксист). Префиксоид *анти-* вносит в словообразовательную структуру окказионализма значение отрицания, в нашем случае – «критика, неприятие творчества В. Аксёнова».

Рассмотрим реализацию номинативной функции у имен существительных, обозначающих абстрактные действия. *Самым замечательным в этой работе было то, что после суточного дежурства о ней можно было на двое суток забыть. В эти свободные дни иногда, стараниями Тиха Буревятникова, подворачивалась недурная шабашка в основном по части руфинга, то есть **крышепокрытия** эмигрантских жилищ (НСС, 93).* В русском языке для обозначения данного действия используются словосочетания «крыть крышу», «менять крышу». Автор в этом случае создает сложное новообразование с отвлеченной семантикой, образованное по модели «крыша + покрыть + суффикс *-иј-*». Перед нами – буквальный перевод иноязычного слова (в английском языке *roofing* от *roof* – ‘крыша’). Однако следует отметить, что заимствованное слово *руфинг* имеет в русском языке другое значение – ‘лазанье по крышам’.

Проанализируем следующий контекст: *В романостроительстве предварительно заготовленные чертежи нередко полностью опровергаются (НСС, 333).* Аксёнов для обозначения процесса создания художественного произведения создает окказионализм с отвлеченной семантикой, образованный по модели «роман + строитель + суффикс *-ств(о)-*».

Наконец, номинативная функция в чистом виде может встречаться у имен существительных, обозначающих предметы: *Хозяин вышел, клиент снял куртку с тяжелым внутренним карманом (правильно, сударь, – браунинг) и только стащил с одной ноги **джинсину**, как тут в примерочную снова просунулась голова Агамика с ее отменными, в карандаш толщиной, усиками (НСС, 128).* По аналогии со словом *штанина* с помощью суффикса *-ин-*

писатель создает окказионализм *джинсина* (от джинсы) со значением ‘одна из одинаковых частей, составляющих предмет, названный мотивирующим словом’.

Индивидуально-авторские новообразования могут использоваться для того, чтобы дать свое собственное, а именно оценочное наименование той или иной реалии. Это связано с отказом от жесткой дефиниции, с попыткой автора отобразить работу своей мысли: *“Мы, кажется, еще не рисовали для вас портрета Дика Путни, этого всемогущего производителя разного рода киновздора, да в этом и нет особой надобности”* (НСС, 431). Окказионализм *киновздор* в этом контексте позволяет выразить отрицательную оценку низкокачественных продуктов киноиндустрии.

В современной художественной речи окказионализмы используются как средство обозначения понятий, не имеющих в языке однословной номинации: *... Вся эта зловещая игра кружилась вокруг быстро возникающих и стремительно возвышающихся олигархических корпораций. В одночасье, а то и в **одноминутье**, создавались миллиардные капиталы* (РЗ, 119). Окказионализм *одноминутье* (вместо словосочетания *в одну минуту*) построен по той же словообразовательной модели, что и слово *одночасье* – внезапно, неожиданно. В силу необычности своей внутренней формы новообразование *одноминутье* является более экспрессивным.

Большинство окказионализмов в романах Аксёнова параллельно с номинативной выполняют и другие функции, и в первую очередь, эмоционально-экспрессивную, заключающуюся в способности человека передавать с помощью языка свои чувства, эмоции, переживания. «Окказионализм <...> представляет собой один из эффективных приемов реализации авторской установки, повышения экспрессивности и адресованности текстового целого» [1, с. 14].

В процессе анализа установлено, что многие из окказионализмов обладают отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Рассмотрим следующий контекст: *Никаких камней не было видно, просто оттуда по пляжу и по*

мелководьям отлива двигалась к нам какая-то внушительная **мотораскоряка**, что-то вроде военного внедорожника «Хамви» (РЗ, 45). В выделенном окказионализме отрицательная оценка является эксплицитной, так как вторая часть сложного слова *раскоряка* с разговорно-просторечной окраской заключает в своем значении однозначно негативную оценку. «*Мотораскоряка*» в представленном контексте – это ‘автомобиль больших размеров, не соответствующий стандартному типу автомобилей, представляющий угрозу как для водителя, так и для пешеходов’; ср. другую подобную номинацию в этом же романе: *Надо немедленно пресечь жажду юнца оседлать его зловещего мотоосла! Не знаю: почувствовал ли Ник, что я опасаясь за его жизнь? Внешне эта его каталка выглядит не более угрожающей, чем комнатный пылесос <...> однако и пылесосы ведь могут быть чреватые коротким замыканием!* (РЗ, 46). Окказионализм *мотоосёл* образован по модели сложного слова, компоненты которого представляют собой разностилевые элементы.

Проанализируем другой пример: *Одеты все в подогнанные костюмы с ненавязчивыми галстуками, и вот вчерашнему отморозку становится не по себе в том, чем вчера гордился, то есть в тренике из жатого шелка и с большим, как бы отсекающим подколенным дизайном; вдруг начинает ощущать какую-то общую **недомытость*** (РЗ, 121). В этом случае новообразование *недомытость* образовано от прилагательного *недомытый* при помощи суффикса *-ость*. Оно обозначает отвлеченный признак, названный мотивирующим прилагательным. Значение данного окказионализма – это ‘ощущение грязного тела, неряшливости, неаккуратности, несоответствие общепринятым нормам одежды’.

Номинативная функция в ряде случаев может осложняться магической. Данная функция основывается на том, что, изменяя слово, автор пытается трансформировать реалию, им обозначаемую. «Магическая функция основывается на вере человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет» [3, с. 7].

Так, в «Редких землях» один из персонажей ко всем словам добавляет компонент *нео-*: «...мне захотелось, чтоб мир начинался на „нео“: **неомир, неодень, неожизнь!** Неолит — со следами костей и улиток, неофит — от пещерных камней до калиток. **Неосвет, неодим, неомир!** Пусть он будет всегда неоткрытым, необычным и необжитым. О, мое новое „нео“! Мое озаренье мгновенное — небо необыкновенное!» (РЗ, 342). Префиксоид *нео-* вносит в семантическую структуру слова узувальный смысловой компонент 'новый'. Последовательное употребление в ряду однородных членов данных единиц создает эффект преобразования окружающего мира.

Наряду с номинативной функцией, окказионализм может выполнять функцию языковой игры, когда говорящий или пишущий «играет» со словом, придавая речи эмоционально-экспрессивный характер.

Проанализируем следующий контекст: *Она нередко посещала с дюжиной своих внуков классический версальского стиля парк своей подруги, где они невинно резвились, охотясь на все тех же стрекоз и до сей поры еще не упомянутых летучих существ **кобыу*** (РЗ, 416). В этом отрезке текста описано насекомое, которое, по версии автора, до сих пор неизвестно науке. Игровой эффект здесь создается за счет сочетания четырех гласных звуков, возможно, благодаря имитации звуковой организации других языков, например, финского или эстонского. С другой стороны, лексему *кобыу* можно рассматривать и как звукоподражание, т.к. данное существо, скорее всего, издает подобные звуки.

Языковая игра может реализовываться и в ойконимах, т.е. в именах собственных, обозначающих географические объекты: «*Есть такой штат **Очичорния**, возле Калифорнии, или его там нет и в помине?*» (НСС, 40). Создавая новообразование *Очичорния*, автор не только дает название административному округу, но и подчеркивает его особенности: в нем проживает много русских. Кроме того, здесь, наряду с номинативной и игровой, реализуется также интертекстуальная функция (отсылка к одному из самых известных в мире русских романсов «Очи чёрные»). Прецедентный

феномен позволяет Аксёнову представить участников диалога – читателя и автора – как культурных единомышленников.

Рассмотрим другой подобный контекст: *Итак, к концу шестой части, в начале восьмидесят седьмого года, наш герой отметил прохождение середины романа переездом в столицу нации город Вашингтон, который прижившиеся там русские эмигранты именуют **Нашингтоном*** (НСС, 222). Перед нами ойконим *Нашингтон*, «русский вариант» названия столицы США, свидетельствующий о том, что в этом городе живёт много «наших», то есть существует обширная русскоязычная диаспора. Окказионализм образован с помощью контаминации, т.е. взаимодействия близких по значению или по звучанию языковых единиц, приводящего к возникновению новых единиц или к развитию у одной из исходных единиц нового значения (Вашингтон + наши = *Нашингтон*).

Номинация с элементами игры может быть представлена в антропонимах. В одном случае перед нами человек: *Перед камерой этот обожравшийся миллионными гонорарами **Актер Актерыч** иногда вдруг по какому-то наитию находит единственно нужный тон* (НСС, 436); в другом – предмет (шоколад): *А вот вам и **Шоколад Шоколадович**, этот с орехами, «Фантазия», что ли, ну, с балериной* (НСС, 384). В обоих контекстах наблюдается «онимизация – создание двойного наименования по типичной для русской речевой культуры модели (имя + отчество)» [2, с. 220].

Наконец, номинативная функция может осложняться компрессивной, т.е. стремлением к краткости выражения мысли и семантической емкости. Окказионализмы могут заменять собой не только словосочетания, но и предложения. Чаще в данной функции выступают сложносокращенные новообразования: *По ним только шузня с разговорами шлепает, банановидные варёнки там мелькают да синие пиджаки с коваными пуговицами — униформа коопщиков, эспешников и оопщиков* (РЗ, 67). *Эспешники* в тексте Аксёнова – это ‘учредители (сотрудники) предприятия любой формы собственности, созданного на основе объединения имущества учредителей (юридических и

физических лиц, в том числе иностранных)»; ср.: *коопщик* (разг.) – ‘владелец кооператива’; *ооопщик* (разг.) – ‘учредитель общества с ограниченной ответственностью’; *чэпэшник* (разг.) – ‘частный предприниматель’.

Компрессия наблюдается и в обычных композитах: *Долго никакого ответа не было – наверно, гады сразу бросают все письма в какую-нибудь письморубку высокой технологии, - как вдруг – звонок, не кто иной, как сам Стенли на линии!* (НСС, 58). *Письморубка* в тексте Аксёнова – это аналог *шредера* – прибора для измельчения бумаг. Словообразовательная модель данного окказионализма: «письмо + рубить + суффикс -к-», ср.: *мясорубка*.

Таким образом, окказионализмы в художественных текстах Василия Аксёнова «Редкие земли» и «Новый сладостный стиль» могут выполнять полноценную номинативную функцию (создание потенциально возможных лексических единиц, обозначение реалий, понятий, не имеющих названия в русском языке). Автор заменяет узуальное название новообразованием, что связано с постоянными языковыми поисками и преобразованиями лексем, характерными для идиостиля В. Аксёнова. Номинативная функция практически всегда осложняется другими функциями: эмоционально-экспрессивной, магической, интертекстуальной и компрессивной. Данная тенденция в полной мере соотносится с общими для языка современной литературы явлениями: возникновением семантической многомерности слова; размыванием границ между морфемами внутри лексической единицы, между словом и морфемой, словами разных частей речи, словом и словосочетанием, компонентами предложения; увеличением способов контаминации и сегментации слов, а также разнообразием языковой игры в целом.

Литература:

1. Баталов О. Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: автореф. дис. канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 22 с.

2. Ильясова С.В. Олигарх Олигархович, или Словотворчество в языке современных СМИ (на материале наименований лиц) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, №6 (2). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 217-221.

3. Киклевич А.К. Двенадцать функций языка. // Мир русского слова №3/2009. – СПб: Издательский дом «МИРС» – С. 5–13.

4. Лыков А.Г. Современная лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.

5. Николина Н.А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, №6 (2). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 467-469.

6. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Астра семь, 1996. – 224 с.

Источники:

1. Аксёнов В.П. Новый сладостный стиль. – М.: ИЗОГРАФ, 1997. – 560 с.

2. Аксёнов В.П. Редкие земли. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.